

Анатолий ВЕНГЕРОВ

Политическое пространство и политическое время

(Опыт структурирования понятий)

Всему свое время, и время всякой вещи под солнцем... время
убивать, и время врачевать... время разрушать, и время строить...
время разбрасывать камни, и время собирать камни... время молчать,
и время говорить... время войне, и время миру...

Экклесиаст

Чем заполнить вакуум?

Политическая жизнь общества всегда разворачивается в пространстве и времени. До недавних пор это очевидное, но вместе с тем важнейшее обстоятельство как-то забывалось и по крайней мере недостаточно учитывалось в отечественной политологии. Оно было оттеснено на периферию научных интересов различными схемами экономического детерминизма, которому и придавалось значение основного политикообразующего фактора — в полном соответствии с вульгаризированным и догматизированным марксистским тезисом о первичности экономики и вторичности политики (равно как и права, и других элементов так называемой надстройки).

Социально-экономическое процветание в разных ипостасях — нэп, построение социализма, затем коммунизма, снова социализма, но уже «развитого и зрелого», потом почему-то совершенствование этого социализма, его «ускорение», наконец, его перестройка — последовательно объявлялось той основной идеей, которая должна была воодушевлять народ. Эти же ипостаси десятилетиями выступали политическими целями, которые формировали и теоретические изыскания, и, что особенно важно, многие практические акции, даже такую их разновидность, как политические интриги, особенно в высших эшелонах власти. Политику, ставшему лидером (как правило генсеком), чтобы удержаться у власти, надо было обязательно предложить какую-нибудь новую концепцию социально-экономического развития общества. Но именно социально-экономическую, а не, скажем, геополитическую, религиозную, культурно-возрожденческую или экологическую.

*Венгеров А. Б. — доктор юридических наук, заведующий кафедрой Московского
юридического института.*

А российское общество между тем продолжало жить в определенных пространственно-временных рамках, на огромной территории, в Европе и Азии (или между Европой и Азией, если учитывать их разный менталитет), сохраняя память о великих и трагических событиях в своей истории, в том числе связанных с территориальными приращениями и потерями, пытаясь осмыслить в прекрасной философско-религиозной и художественной литературе свой путь, свое предназначение в бесконечном круговороте человеческих цивилизаций.

Но вот в 80—90-х годах XX века история преподнесла человечеству очередной сюрприз или, если угодно, совершила зигзаг. Социалистическая идея в том воплощении, которое она приобрела в тоталитарных обществах сталинского типа, рухнула, а в либерально-демократическом обрамлении — впала в глубокий кризис.

И в политической жизни российского общества, как и некоторых других, образовался ужасающий духовный и нравственный вакуум, появилась политическая и идеологическая пустота. Возник вопрос судьбоносного значения: а какая же теперь, взамен социализма, основная идея должна воодушевлять народ? Что строить и строить ли вообще, а может быть и не строить вовсе, а восстанавливать? Все общество пребывает в тревоге: не ошибиться бы вновь. Идет поиск — мучительный, тревожный. Думаю, что это не столь уж часто встречающееся в русской истории напряженное состояние и характеризует сейчас политическую жизнь общества.

Таких состояний было немного: выбор православия, освобождение от монголо-татарского ига и становление русской монархической государственности. Петр I, Александр II, Ленин, Сталин, теперь вот выбор нового пути. Эти редкие, но самые значимые вехи знаменуют и наиболее тяжкие, переломные, поисковые периоды, когда возникал и заполнялся политико-идеологический вакуум, российскому обществу придавались новые импульсы и история его продолжала течь в новых берегах, точнее, в новом пространственно-временном русле.

Ныне этот вакуум пытаются наполнить самым разным содержанием различные политические силы — идет борьба за Идею. Одни пытаются заполнить его национал-патриотической идеей с диапазоном от идеализации российского быта, культуры, нравов, религии, монархической государственности до погромных призывов к избиению «инородцев», «пришлых людей», разрыва с европейскими, демократическими традициями, выбора своего особенного, русского, пути. Другие пытаются заполнить вакуум идеей обновленного гуманистического, демократического социализма, хотя история уже поставила трагический вопрос — а совместимы ли вообще такие трогательно-прекрасные прилагательные с существительным «социализм»? Третьи опять зовут общество к глобальному экономическому самосознанию и совершенствованию, пытаются завлечь его идеалами социальной рыночной экономики, выведением новой популяции собственников, предпринимателей, надеждой дать наконец-то российскому человеку на основе его экономической самостоятельности статус политически независимого, самостоятельного российского гражданина. В этой самостоятельности видят сторонники третьего подхода воплощение идеалов демократии и свободы.

Думаю, что при сложившемся неравновесном, запутанном социальном положении, когда могут грянуть самые неожиданные социальные «бифуркации», связанные с общественными потрясениями и противостояниями, важно присмотреться к тем идеям и ценностям, которые долгое время были удалены из официальной политологии с помощью идеологической и репрессивной социальной хирургии, объявлялись по крайней мере ненаучными, а то и вообще за пределами вредными. Нельзя ли что-нибудь из этих идей и ценностей использовать для заполнения вакуума или хотя бы, переосмыслив их, учесть при формировании новых

идеалов и политических курсов? Думаю, что такая постановка вопроса вполне корректна.

К подобным, ранее отвергавшимся идеям и ценностям можно отнести и концепцию существования политического пространства и политического времени как важных составляющих политической жизни общества.

Политическое пространство в трех измерениях

Политическое пространство по своему содержанию коренным образом отличается от физического пространства, но также имеет три измерения. Однако это уже не трехмерность широты, длины, высоты. Это социальная трехмерность пространства, во-первых, как предпосылки политической организации общества, во-вторых, как цели политических процессов (геополитика) и, наконец, в-третьих, как условия формирования и осуществления политических решений или, что то же самое, как среды протекания политических процессов.

Пространство как предпосылка. Основное значение тут имеют территориальные размеры государства — той особой политической организации, в форме которой существует и в случае необходимости защищается народ. Не менее важно и расположение государства в исторически сложившихся цивилизационных координатах и, конечно, его ландшафтные, в том числе почвенные, климатические особенности.

Уже Монтескье придавал этим факторам определяющее значение. Они, по его мнению, влияли на появление тех или иных законов у разных народов, на те или иные формы правления, политико-правовой режим и т. п. Он писал, например: «Островитяне более склонны к свободе, чем жители континента. Острова бывают обыкновенно небольшого размера... Там менее удобно употреблять одну часть населения для угнетения другой ее части... и тирания не может найти в них поддержки»¹.

Как известно, марксизм напрочь отверг концепции Монтескье и его сторонников, заменив их идеологией последовательной и неизбежной смены общественно-экономических формаций. А Сталин очередной догмой «Краткого курса» на долгие годы вывел географический фактор из научного оборота обществоведов. Не может, — рассуждал он, — определяюще влиять на общественное развитие то, что «десятками тысяч лет» (!) не меняется, тогда как только в Европе за несколько сот лет сменилось четыре общественных строя.

Конечно, давно надо было бы задуматься: так ли уж не менялся, например, климат за «десятки тысяч лет»? Но речь-то у сторонников влияния «пространства» на общественное развитие шла о другом, и Сталин просто подменил проблему. Разумеется, не о воздействии, скажем, климата на общественно-экономические формации вели речь Монтескье и его сторонники, а о воздействии «пространства» на различные политико-правовые процессы, их особенности. Они размышляли о «пространственных» предпосылках формирования этнокультурного пласта в обществе: быта, традиций, народного сознания, духовной жизни. И о влиянии уже этого пласта — культурных, национально-психологических традиций, способов воспроизводства и существования этноса — на политико-правовую жизнь, ее организацию и функционирование.

Задолго до Сталина одна из умнейших и деятельных персон русской истории — Екатерина II — внимательно изучала труды Монтескье, восхищалась ими. На полях книги одного из оппонентов Монтескье (им был профессор Струбе-де-Пирмонт) сделала заметки «в защиту Монтескье». И пришла к парадоксальному выводу: «Столь великая империя, как Россия,

¹ Монтескье Ш. О духе законов. С.-Пб., 1900, с. 279.

погибла, если бы в ней установлен был иной образ, чем деспотия, потому что только она может с необходимой скоростью пособить в нуждах отдаленных губерний. Всякая же иная форма парализует своей волокитой деятельность, дающую жизнь»².

Думаю, что пришло время прислушаться и к этой сентенции, поразмышлять над ней, а не отмахиваться от нее как от своекорыстного литературно-политического эскерсиса. Екатерина II абсолютно верно связала организацию политической жизни, прежде всего политико-правовой режим, с огромными просторами России, с той основной проблемой, которую эти просторы создают для управления, для исполнительной власти, вот уже на протяжении веков. Волокита — так образно и емко определила эту проблему Екатерина II, и решение ее увидела не в чем ином, как в наличии сильнейшей, централизованной, грозной исполнительной власти, в деспотии.

И сегодня все та же «волокита», т. е. потеря управляемости, недостаточная коммуникативность, слабость исполнительной власти, когда происходят искажение, а то и вовсе затухание импульсов — указов, законов, постановлений, приказов, — идущих из центра на места, характеризует ельцинскую Россию, как характеризовала и екатерининскую, но только в значительно меньшей мере.

И неслучайны нынешние стремления к президентской республике, просьбы президента о предоставлении дополнительных полномочий, назначение из центра представителей президента на местах, назначения глав администрации — ведь это не что иное, как попытки найти сильнодействующее лекарство от «волокиты», а по большому историческому счету и оправданное стремление российского народа спасти себя от хаоса, развала, распада, который грянул после гибели СССР. И одним из основных факторов такого состояния выступают огромные территориальные размеры России, слабость ее коммуникаций и в социальные, и в технологическом планах.

Так что же, — возникает вопрос, — автор за деспотические, диктаторские способы решения проблемы? Или за уменьшение размеров государства? Нет, конечно.

Ведь подобные способы давно уже и неоднократно предлагались, но столь же часто были осуждены, даже высмеяны в публицистической сатирической литературе России. Вспомните, как сокрушался градоначальник Бородавкин из «политического пространства» Салтыкова-Щедрина — «Истории одного города»: «Руки у меня связаны, а то бы я вам показал, где раки зимуют». И писал устав «о нестеснении градоначальников законами». Напомню первый и последний параграфы этого устава: «Ежели чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то, сняв оный со стола, положи под себя. И тогда все сие, сделавшись невидимым, много тебе в действиях облегчит».

Разумеется, выход надо искать в другом — в безусловном усилении исполнительной власти на правовой основе, в прекращении «волокиты», но на путях обеспечения прав и свобод человека, демократических форм организации политической жизни, верховенства права над усмотрением власти, какую бы оскомину ни вызывало слово «демократия» у сторонников национал-патриотизма, «государственников», иных обывателей от политики.

Следует иметь в виду, что кроме необходимости преодолевать «волокиту» политическое пространство-предпосылку в России характеризуют еще две очень важные особенности.

Первая определяется тем, что население окраин России всегда видело в сильном центре защиту от произвола, коррупции местных чиновников — зачастую лихоимцев, мздоимцев и бюрократов. Отсюда ведь происходила

² Записки императрицы Екатерины II. М., 1989, с. 656. 52

вера в доброго царя-батюшку, справедливого генсека, мудрого президента, который, как известно, придет и рассудит.

Временами степень обращения за такой защитой в центр достигала высокого социального накала (например в последние годы правления Брежнева).

Маховик власти в эти годы вращался по инерции, все слабей и слабей, потому что многие поры государства, его сосуды были закупорены многочисленными жалобами с мест. Только в ЦК КПСС ежегодно поступало до 1 млн жалоб и заявлений, да каждая центральная газета хвасталась тем, сколько сот тысяч писем — в основном с жилищными, бытовыми, судебными жалобами — поступало к ним. Так и шло: одни писали жалобы, другие регистрировали их, пересылали, отписывались — занимались «почетным» делом, которое называлось «внимание к нуждам трудящихся». Государственный аппарат был парализован, потеря управления из-за «бумажной занятости» государственной власти, особенно при Горбачеве, достигла критической величины, и СССР как государство, как аппаратная, структурная организация общества (наличие особого слоя людей для управления) рухнул.

Вторая особенность связана с тем, что сильной централизованной власти требовало такое свойство политического пространства России, как его формирование за счет присоединения иных государств, иных народов. Это происходило, как правило, путем завоеваний, но зачастую и на добровольной основе, в том числе для защиты от покорения со стороны других государств, с иной религией, иными политическими целями. Последнее вообще грозило уничтожением народу, и добровольное соединение с Россией было для такого народа историческим спасением, благом. Об этом нельзя забывать.

Как нельзя забывать и о завоеваниях. Теоретически эту зависимость — между завоеваниями и организацией политической власти — также заметил все тот же неугомонный скептик и мудрец Монтескье, чей труд «О духе законов», как я думаю, со временем по своему методологическому богатству, по крайней мере в сфере политологии, станет вровень, если не заменит «Капитал» Маркса и уж наверное войдет в учебный список* обязательной литературы для студентов³. «Огромность завоеваний,— писал Монтескье,— порождает деспотию»⁴.

Для России эта огромность означает необходимость быть постоянно готовой защищать народы окраин (присоединенных или воссоединившихся) от возможного реванша. Иными словами, если говорить откровенно и честно, это потребность защищать свои территориальные приращения. Особенно сейчас, когда после распада СССР в поясе вокруг России появляются государства не совсем дружественные к ней.

Уже состоявшийся после распада СССР кое-где реванш — в Средней Азии, на Кавказе, в Приднестровье — диктует жесткую необходимость России иметь сильную, профессиональную и мобильную армию, и тут вряд ли можно обойтись доктриной «достаточной обороны».

Словом, все особенности политического пространства-предпосылки: борьба с «волокутой»; необходимость иметь демократические, в том числе судебные, формы защиты населения от произвола местных чиновников, осуществлять защиту прав и свобод человека; потребность защищать исторически сложившуюся огромную территорию — обуславливают, хотя и по-разному, формирование сильнейшей исполнительной власти.

Как же это сделать, какой исторический опыт тут может помочь?

Формирование унитарного государства с губерниями, уездами? Такое административно-территориальное устройство, конечно же, помогало в про-

³ Ср Янов А Монтескье против Маркса «Общественные науки и современность». 1992, № 1.

⁴ Монтескье Ш Указ. соч., с 152

шлом иметь централизованную вертикально-иерархическую власть. Но этот путь вряд ли возможен сейчас, в условиях, когда развернулись национально-освободительные движения, возросло у многих этносов, включенных ранее в Россию, национальное самосознание и стремление к государственному суверенитету.

Формирование особого слоя людей, основной заботой которых было бы обеспечение централизованной, сильной исполнительной власти? Такой опыт также известен. В царской России это были дворяне, в СССР — партийный аппарат КПСС. Эти люди составляли стеновой хребет государственности, устойчивый по отношению к местным влияниям, обеспечивали функционирование государства как единого централизованного управляемого организма. Но этот слой еще надо создать, возвращать, как подачками, привилегиями долго и настойчиво пестовала его ранее власть (независимо от того, какие политические цели она преследовала). Стоит только вспомнить Жалованную грамоту дворянству 1785 г. или все те привилегии, которые получал партаппарат в недавние столь памятные времена.

Сейчас такого слоя в России нет. Ждать, пока вырастет популяция предпринимателей, еще очень долго, да и сомнительно — смогут ли они выполнять функцию обеспечения единой, сильной, централизованной власти. Пока что сепаратизм, аваркия, агрессивный национализм — эти антиподы государственности, сильной исполнительной власти — стали грозной опасностью, расцвели пышным цветом на огромных пространствах России, рискуя низвести это пространство до размеров Московии как она обозначалась на европейских картах XVI—XVII вв.: так, небольшой кружок вокруг Москвы.

Формирование общероссийских партий — влиятельных, организованных, действующих в масштабах всей территории? Это, разумеется, правильный путь, но пока нет ни одной партии, которая могла бы выполнять такие функции, и влияние новых партий на организацию государственности, на создание сильной исполнительной власти ничтожно. Неслучайно, что назначение персон в аппарат управления идет по личностным, а не по политическим признакам: принадлежности к той или иной партии.

Остается использовать опыт частных решений, которые также имели место в прошлом и с успехом работали на организацию сильной исполнительной власти. Такой исторический опыт действительно имеется. В частности, посылка на места представителей центра — фискалов Петра I, жандармов Николая I, комиссаров, иных представителей. Речь, разумеется, идет не о социальной оценке этих институтов государства, а только о формальных властных функциях, которые выполняли в разные исторические периоды эти представители в системе управления.

С этой же целью стоит использовать и еще одну историческую традицию России. Со времен Петра I централизованная, самостоятельная прокуратура обеспечивала функционирование сильной исполнительной власти, основанной на законе. Имея в виду две функции, которые выполняла прокуратура, Петр I называл прокурора «оком государевым» и «защитником вдов и сирот, обиженных и умаленных».

Характерно, что прокуратуру для усиления централизованной исполнительной власти совсем в других исторических условиях использовал и Ленин, воссоздав ее в 1922 году. И не его вина, что при Вышинском прокурорская власть, хотя и обеспечивала централизацию, но больше прикрывала произвол репрессивных органов.

По крайней мере, думаю, что было бы глубоко ошибочным, как это сделано сейчас в проекте новой Конституции России, ослабить возможности прокуратуры, сократить ее роль гаранта исполнения законов и политики государства.

И, конечно, важная роль принадлежит судебной власти.
Увлечшись

идеей разделения властей, многие упускают из виду органическую связь всех трех властей — законодательной, исполнительной и судебной. Разве проекты законов готовятся без участия исполнительной власти? Да зачастую только она и является инициатором законодательной деятельности! То же и с судебной властью. Разве может существовать сильная и демократическая исполнительная власть без власти судебной? Без защиты в суде прав и свобод человека, без ответственности, в том числе и уголовной?

Ну и, наконец, новое идеологическое обоснование сильной исполнительной власти, опирающееся на концепцию политического пространства-предпосылки.

Сейчас наступило время для перехода от многих «союзных» концепций и доктрин к «российским» концепциям, учитывающим территориальные размеры России, ее расположение в системе новых цивилизационных, государственных координат.

Например, одной из основных союзных политологических концепций, опиравшихся на пространственные рамки СССР, на единство этого пространства в так называемом федеративном государстве, была концепция формирования «новой социальной общности — советского народа», в которой среди равных народов был и первенствующий, «старший брат» — русский народ.

Эта последняя формула, конечно, ставила рекорд логической нелепицы и политической демагогии, но тем не менее политический смысл ее был понятен. Опираясь на утопическую ленинскую идею «слияния наций в одну», «сохранения одного-двух мировых языков», эта концепция по существу предполагала ассимиляцию тюркоязычных и иных народов а славянской среде, русификацию всех иных народностей на огромных просторах советской империи. Ведь не случайно, что сейчас 25 млн русских живут за пределами России. Это типичные последствия известного из истории процесса воздействия наиболее многочисленного этноса на малые нации и народности. В России этот процесс русификации набирал силу до 80-х годов XX столетия, пока не поставил под угрозу само существование иных этносов, прибалтийских в первую очередь, и не вызвал в виде ответной социальной реакции национально-освободительные движения.

Разумеется, концепция единого советского народа как нельзя лучше отвечала огромным территориальным просторам СССР, она имела интернационалистическое содержание. Но при этом работала на постепенное удушение национальной психологии, образа жизни, способов воспроизводства и существования, языков других этносов, в том числе, как ни парадоксально, и самого русского этноса. Вместе с тем она, конечно же, была мощным средством против сепаратизма и националистических идей разобщения народов, противопоставления их по искусственному признаку юридической принадлежности к тому или иному этносу, т. е. национальности.

Концепции единого советского народа сейчас пытаются противопоставить широко известную в 20-х годах, особенно среди русской зарубежной эмиграции, теорию так называемого «евразийского политического пространства». В этой теории основным является признание необходимости органического единства, сотрудничества славянских, угро-финских, тюркоязычных народов, проживающих на территории России.

В этой теории «евразийства» противостоит и так называемой «русской идее», настаивающей, что собственником всей территории России является русский народ. Сторонники же «евразийства» утверждают, что только совокупность народов, населяющих Российское государство и выступающих как особая многонародная нация, может быть собственником всей территории. Мононациональный подход, по мнению сторонников «евразийства», привел бы к тому, что границы России приблизительно совпали бы с границами сплошного великорусского населения в пределах до Урала. Но

тогда только в географически суженных пределах и могла бы осуществиться эта радикально-националистическая мечта. Именно так утверждал еще в 20-х годах Н. Трубецкой — один из наиболее авторитетных представителей «евразийства»⁵.

В любом случае, как бы ни относиться к той или иной теории, думаю, что на успех обречена лишь та, которая явится идеологическим обеспечением крепкой, централизованной исполнительной власти, российской государственности, сумеет противостоять попыткам ограничения единого политического пространства России, возможному ее распаду, но утверждать все это будет на демократических, гуманистических, цивилизационных основах.

И здесь мы вплотную подошли ко второй форме политического пространства, не менее значимой и органически связанной с предыдущей.

П о л и т и ч е с к о е п р о с т р а н с т в о - ц е л ь . Этот аспект известен под названием «геополитика».

Если в первой ипостаси пространство выступает как статика, как некоторая данность, определяющая особенности политико-правовой организации общества, то во второй оно становится целью политики, связано с необходимостью приобретать и обеспечивать определенные территориальные интересы. Это, так сказать, динамика политического пространства, тоже, безусловно, реальная черта политической жизни общества.

Геополитика как определенная идеология, мораль, также длительное время изгонялась из оборота официальной отечественной политологии. Она определялась как политическая концепция, использующая географические данные (территорию, положение страны и т. п.) для обоснования империалистической экспансии, которой, как официально считалось и утверждалось, никогда не могло быть у социалистической Советской России. Вот почему эта политическая концепция связывалась с расизмом, мальтузианством, социал-дарвинизмом. Подчеркивалось, что она была на вооружении германского фашизма.

В силу этого геополитические акции России длительное время замалчивались или камуфлировались. Например, тот исторический факт, что именно Россия на протяжении веков собирала в единую государственность народы, населяющие Восточно-Европейскую равнину, для организации их эффективной хозяйственной жизни, защиты от давления народов, периодически надвигающихся из Степи. В действительности геополитика была долгое время содержанием политической жизни старой России, и многие государственные деятели руководствовались ею.

«Безгрешно бы было свое испокон вечное, хотя бы и потихоньку, отыскивать, усматривая способное время», — писал в 1685 г. в Москву один из руководителей Украины. И аргументировал: «стороны Днепра Подолия, Волынь, Подгорье, Подлясье и вся Красная Русь всегда к монархии русской с начала бытия здешних народов принадлежала»⁶.

Геополитическим было по сути движение России к морям Балтийскому, Черному, Каспийскому, в Сибирь, на Дальний Восток или, например, включение всей Волги — своего основного водного магистрального пути — в единую государственность. Иными словами, государственность России обеспечивалась также и геополитическими интересами, а не только и не всегда идеями устройства и переустройства социально-экономической системы.

В конце XX в. эти геополитические интересы не исчезли, сохраняются они и сейчас, разумеется, в иных формах осуществления, защиты.

⁵ Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм. «Свободная мысль», 1992, № 7, с. 112.

⁶ Соловьев С. М. Сочинения. Книга VII. История России с древнейших времен. М., 1991, с. 373.

Думаю, что пришло время сказать и¹ еще одну горькую правду. В конце 70-х годов некоторые «внешнеполитические» лекторы ЦК КПСС предрекали хаос в Иране, который должен был наступить после предполагаемой смерти Хомейни. Они обосновывали ввод «ограниченного воинского контингента» в Афганистан не столько помощью народной революции, сколько необходимостью держать под контролем Персидский залив, особенно из района Герата. Иными словами, речь шла о дальнейшем геополитическом продвижении России в южном направлении, к тому самому Индийскому океану, которым еще в 1940 г. Гитлер соблазнял Сталина, притупляя его бдительность и предлагая разделить весь мир.

Но слухи о заболевании Хомейни оказались преувеличенными, он прожил еще достаточно долго, стабилизировал Иран, и пребывание «контингента» в Афганистане стало бессмысленным, вылилось в войну с афганским народом, разлагавшую не только армию, но и всю страну. Сотни тысяч молодых людей прошли школу бессмысленной жестокости, нравственных падений и увечий, ежегодно миллиарды рублей выбрасывались на ветер. И что самое главное — произошло геополитическое поражение в Афганистане, которое не могло не сотрясти государство. Распад СССР — это результат не только поражения в «холодной войне», но это также результат геополитического поражения в «горячей» войне в Афганистане: таковы суровые законы столетних движений и перемещений этносов, таково влияние этих законов на политическую жизнь, общества.

Геополитические интересы, как правило, постоянны у многих этносов, и новый процесс собирания народов в конфедерацию, содружество — это проявление глубоких и длительных закономерностей политического пространства и времени для народов, проживающих на территории Восточно-Европейской равнины. Разумеется, — подчеркну со всей определенностью, — этот процесс, хотя и продолжает старую традицию, совершается и должен совершаться в принципиально новых формах — не военных, не имперских, а демократических, политических, цивилизационных. Он исторически необходим и для мирного проживания многих этносов на этой равнине, и для нормальной хозяйственной, культурной, духовной жизни. Возможно, конфедеративная или «содружественная» форма государственности — это как раз то, что надо, то, что история создала специально для конца XX в. с его новой технологией и уровнем цивилизации.

Конечно, возникает вопрос: а не перечеркивает ли этот новый технологический уровень традиционные геополитические интересы? Ведь величие того или иного государства, в том числе и России, заключается не в размерах территории, а в качестве жизни людей. Человек должен наконец стать мерой всех вещей, реальной целью, а не средством политических процессов!

Разумеется, технологические процессы, диктуемый ими экологический императив определяют многие стороны политической жизни и организации общества. Да и социально-экономические факторы, например уважение и сохранение собственности, в том числе частной, не следует сбрасывать со счетов. Но геополитические факторы играют в числе других не последнюю роль.

От того, как будет организована государственность России, в каких формах Россия вновь выступит «собирателем» или «хранителем» этой государственности, зависит и то, как новый технологический уклад со своей сердцевиной — информатикой — окажет себя в жизни страны в XXI веке. А не наоборот! Не только технологический уровень, не и геополитика обеспечивают жизнь этноса, его процветание.

Политическое пространство-среда. Эта ипостась политического пространства в общем хорошо известна, она была не раз предметом исследований. Ведь по существу это вопрос о политической

системе, ее элементах, связях между этими элементами, характером этих связей и т. п. Государство, партии, политические движения, иные общественные организации и объединения, церковь, средства массовой информации, трудовые коллективы, политические нормы и нравы, властные или договорные связи, конфронтации, конфликты, сотрудничество, автономность, подчиненность выступают разными аспектами политической системы, им посвящены многочисленные политологические исследования.

Разумеется, это самостоятельная тема. Здесь я затрону лишь один актуальный ее аспект, который действительно характеризует по самому крупному историческому счету среду политических процессов.

Сейчас многие политологи, определяя эту среду, ведут главным образом спор о терминах: капитализм, посткоммунизм, общество знаний и т. п. Разумеется, в терминах, а точнее, в абстрактных понятиях закрепляется и знание, и познание общественных структур коллективным разумом человечества. Понятно, что верные абстракции расставлены на мучительном пути человеческого познания как вехи духовного прозрения. И политологические абстракции не менее ценны, чем формулы Ньютона, Эйнштейна, Пригожина и других представителей точных наук.

Думаю, что пришла пора признать: человечество за всю свою историю создало лишь несколько политико-социальных сред своего политического бытия, а многочисленные термины, используемые в данной научной области, — лишь определители некоторых особенностей, частных этого бытия.

С тех пор как человечество на финальных стадиях неолитической революции (IV—III тысячелетия до н. э.) перешло в большинстве регионов земного шара от присваивающей экономики (охота, собирательство, рыбная ловля) к производящей экономике (одомашнивание животных, выведение культурных растений, керамическое производство, металлургия и металлообработка), возникли проклятые вопросы человеческого бытия: как обменивать результаты труда и куда девать отходы от этого все усложняющегося технологического производства? Пожалуй, до середины XX в. вопрос обмена был основным. Но ныне, перед угрозой гибели человечества, на первый план встал экологический вопрос.

В производящей экономике возникло несколько основных типов политико-социальной среды. Один — это то состояние общества, при котором результаты труда сознательно распределяются особым слоем государственно организованных людей — распределителями (в широком смысле слова). Они ведут учет и распределение результатов труда, контроль за этим распределением. Сами берут или общество устанавливает определенное возмещение их труда (так называемая редистрибуция). Распорядитель выступает от имени государства, и собственность в такой среде, как правило, государственная, общественная. Благополучие распорядителя в подобном обществе зависит от его места в системе распределения, от его положения в разных организационных структурах власти («теплое местечко», «доходное место» — образные, чисто российские обозначения положения распорядителя. У других народов это обозначается по-другому, но суть та же). Важно, что конкретное место конкретного человека в такой среде зависит от династических, клановых, национальных, родственных связей.

Разумеется, такое состояние политического пространства-среды вызывает недовольство, а подчас и протесты тех, кто обделен распределением и положением в этой системе, считается несправедливым. Это состояние таит гроздь социальных потрясений и конфликтов, которые губят в конце концов общества распределительного типа. Ибо в них заложен еще один социальный порок. Уравнительность становится в них господствующей идеологией и убивает всякую мотивацию к труду. Никакие формы подхлестывания к труду — драконовские законы, социалистические соревнования,

рабовладение в разных формах вплоть до Гулага, сакральные ритуалы — не могут длительное время обеспечить существование таких обществ.

Характерно, что известные истории распределительные общества существовали весьма недолго, в пределах до ста лет, по крайней мере в Старом Свете⁷. Шумеры III тыс. до н. э. — государство Ур-Намму и его сына — приблизительно 100 лет, Иран III в. н. э. — государство Маздака и СССР XX в. — около 80 лет.

Для распределительных обществ в финальной стадии становились характерными чудовищные формы бюрократической власти (господство распределителей), произвол, коррупция, нравственное вырождение.

И сейчас, если взглянуть на такую организацию политического пространства с вершины нынешнего исторического опыта человечества, а не вести отсчет только с 1917 г., что по ограниченности знаний начала XX в. выдавалось в отечественной политологии за единственно верный подход, то многое становится понятней. И почему, например, Маркс остановился в «Критике Готской программы» перед анализом государственной организации самих распорядителей, которые должны были, по мысли Маркса, выдавать со склада работнику в обмен на квитанцию «необходимый продукт». И почему исчез «азиатский способ производства» из жесткой пятичленки формаций у Энгельса, Бухарина, Сталина (действительно, пришлось бы объяснять, как общественная собственность, распределение, присущие этому способу, сочетались с ужасающей деспотией. А ведь в замене частной собственности на общественную виделось средство против всех социальных бед иной товарно-денежной политико-социальной среды).

Становится понятным и то основное заблуждение, которое вошло во всю логическую цепочку рассуждений сторонников марксистской концепции распределительного общества и сделало ее ложной, утопической. Это заблуждение — идея об упрощении распределительной политико-социальной среды по сравнению с иными. Исторически же все оказалось наоборот. Политическое пространство такого общества становилось все сложнее и сложнее. Может быть, эту наивную веру в «простоту» распределительного общества хорошо понимал Мао Цзедун, когда в интервью журналисту Сноу в 1956 г. сказал: «Через тысячу лет и над Марксом, и над Лениным, и надо мной люди будут смеяться». Увы, это произошло намного раньше.

Второй тип политико-социальной среды базируется на товарно-денежной практике и идеологии. Деньги как всеобщий эквивалент измерения результатов труда, превращения продуктов в товары — вот ее суть. И положение человека в обществе, в политической жизни определяют имущественное состояние, богатство, капитал. Все это достаточно хорошо известно, и я не собираюсь подробно описывать эту среду. Речь идет лишь о том, что поскольку это имущественное положение может быть основано не на трудовой деятельности, а приобретено «неправедным путем», эта среда также несправедлива, чревата социальными потрясениями, содержит в себе противоречия, конфликты.

Особая проблема здесь — богатство через династическое накопление, наследование. На этом оселке проверялись и ломались самые благородные утопии. Неслучайно Энгельс то исключал из «принципов коммунизма» право наследования, то вновь включал. Напомню, что из-за этого права коммунисты разошлись с анархистами, поскольку последние, исключив это право, отвергли и брак как его основу, и государство как охранителя брака, и религию, его освящающую.

Но ликвидация института наследования объективно невозможна — не начинать же социальную жизнь каждому индивиду с нуля. Это социальное

⁷ Об аналогичном опыте на Американском континенте см. в следующем номере статью С. Семенова «Злоключения одной химеры». — *Прим. ред.*

качество человека — получение наследственного имущества вместе с социальным опытом родителей — и приводит к идеологии неравенства. А эта идеология и практика тоже несправедливы, но по иному счету, по счету «власти рубля». Отсюда также проистекают конфликты, желание и попытки перейти к распределительной среде и т. п. Вот почему коммунистическая идея, как бы ее ни старались отрицать некоторые современные политики, всегда будет волновать человечество своей привлекательностью, будет казаться средством уйти от пороков и недостатков товарно-денежной среды.

Наконец, еще одна организация политического пространства среды — смешанная, та, что в XX в. расцвела под названием конвергенции. В ней в разных пропорциях смешаны как достоинства предыдущих сред, так и их существенные недостатки.

Конвергенция как организация политического пространства обладает тем существенным недостатком, что не является стабильной. Например, в российской действительности сохраняется то, что можно охарактеризовать как «пережитки социализма» в сознании людей, сохраняется и их неготовность уйти от привычного социального иждивенчества, характерного для тоталитарного распределительного общества сталинского типа. Презрение к богатству, неуважение к собственности, люмпенизация с ее потребностью хлеба и зрелищ («хлеба» в виде гуманитарной помощи и «зрелищ» в виде митингов, телевизионных шоу и т. п.) и вместе с тем правовая поддержка частной собственности (приватизации) — подобное смещение характерно для конвергенции, упоминание о которой еще недавно было равносильно государственному преступлению. А сейчас это всего лишь этап на пути к социальной рыночной экономике.

На политико-социальную среду накладываются социальные и национальные структуры, религиозная идеология, что, впрочем, также заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Обратимо ли политическое время?

Не менее странные, чем с пространством, метаморфозы происходят и с физическим временем, когда его содержанием становится политика.

Оно прежде всего превращается в событийное, а не календарное время. Даты типа Октябрь 1917, Апрель 1985, Август 1991 — это вехи, символы, обозначающие событие, которое изменило ход отечественной истории или круто повлияло на нее, привело к перелому в политической жизни. Событийное свойство политического времени — его первая и важнейшая характеристика. При таком свойстве знание и оценка события как единицы измерения политического времени становятся объектами острой политической борьбы.

Например, оценка событий Октября 1917 г. даже через 70 с лишним лет — это вопрос о легитимности власти большевиков, о причинах революций Февраля и Октября, об основаниях белого и красного террора, реставрации и т. п. Знание секретных протоколов к Договору о дружбе и границах, заключенному Гитлером и Сталиным в 1939 г., привело к сокрушению политической концепции о добровольности воссоединения Литвы, Латвии и Эстонии с СССР, уничтожило всякую правовую основу этого «воссоединения». Даже архивы ЦК КПСС — и те ныне стали предметом острейшей политической борьбы, так как дают новое и сокрушительное знание о политических событиях.

Еще одна специфическая характеристика политического времени — мифологичность. Это его свойство обнаружено давно и под разными наименованиями присутствует в исторических хрониках многих народов. Например, у некоторых народов в их хрониках время делилось на реальное, когда события происходили недавно и хорошо запомнились, периферийное,

когда событие заносилось на шкале времени в «давнее», но все же происходившее на памяти некоторых поколений, и наконец, мифическое. В этом мифическом времени культурные герои у многих народов жили до 1000 лет (например библейские) или даже до 20 000 лет (шумерские цари).

Для мифического времени характерна идеализация прошлого. Это может быть «золотой век» древних греков, патриархальный быт России («Лад» В. Белова); живут по правде, по народным приметам, в достатке, сыты, истово работают и разумно отдыхают, доброжелательны друг к другу, благодетельны и т. п.

Разумеется, неверно, даже преступно было в координатах марксизма объявлять о необходимости низвергнуть как мелкого собственника крестьянина, объявлять об «идиотизме деревенской жизни», но неверна и мифологическая идеализация этой жизни, превращающая ее в утопию, опрокинутую в прошлое. Да и столь популярная сейчас идеализация прошлого царской России — разве она не мифична? Разве не было крепостного права и иных форм угнетения, неграмотности, которая до сих пор «достаёт» общество и мешает нормальному пользованию достижениями научно-технического прогресса?

А повреждение нравов? Неужели коммунисты первыми ввели «стучачество» как систему политического сыска, основу тоталитарного режима? Разве это не порождение векового полицейского аппарата России от ярыг кабацких, от «слова и дела» до секретных сотрудников царской охранки?

К тому же мифическому свойству политического времени относится и идеализация некоторыми современными политиками и обывателями сталинской эпохи: а как же — снижались цены! И брежневского застоя: мол, все было. А то, что за 18 лет Брежнев утроил продажу алкогольных напитков населению и тем самым реально осуществил «бюджетное осуждение русского народа к пьянству» (так обозначал эту трагедию в свое время Салтыков-Щедрин), как-то забывается, исчезает в мифическом времени!

Мифическое время — не только ностальгическая мечта, утопия — как хорошо все было «во время оно». Это еще и идеализированная мечта, утопия — как хорошо все сложится в будущем.

Традиционная для последних десятилетий политической жизни России обращенность в «светлое будущее» представляет собой лишь по-новому «овремененный» вариант древней стратегии политической жизни общества, называемой теодицеей: страдания народа в настоящем ради процветания в будущем.

История России, особенно последних десятилетий, наполнена «теодицеальными» сюжетами — пространственными и временными. Мол, все делается ради будущих поколений, которые уж точно будут жить иначе. И обещаниями: коммунизм будет через 10—15 лет (Ленин в 1920), через 4—5 пятилеток (Сталин в 1946), через 20 лет (Хрущев в 1962), хорошо станем жить через год-два (Ельцин в 1990). Словом, мифическое время наступит и страдания нынешние будут оправданы благополучием и блаженством в будущем.

Но мифическое время «благоденствия» все отодвигается и отодвигается, словно горизонт, когда к нему, как кажется, приближаешься, и начинается новое «теодицеальное» охмурение народа!

Наконец, политическое время обратимо, и это, пожалуй, самое странное его свойство. Иными словами, общество может возвращаться в то политическое, социальное, духовное, даже экономическое состояние, которое оно уже как будто проходило. Если не полностью, то в каких-то аспектах, аналогах... Определенная сумма событий или небольшое событие, даже

случай могут вызвать цепь лавинообразных, синергетических процессов, которые, действуя нелинейно, возвращают общество в прошлое политическое состояние.

Это происходит чаще всего тогда, когда этнос спасается, защищается от разрушительных воздействий современности. Пример Хомейни, который, совершив, пожалуй, самую значимую революцию XX в.— исламскую,— вернул иранское общество к фундаментальным исламским ценностям VII—VIII вв.,— яркое тому доказательство.

И разве сейчас Россия также не возвращается, по крайней мере в духовной сфере, в предыдущее политическое время с его достоинствами и недостатками? С одной стороны, возрождение нравственных начал религии в быту, а с другой — возврат чуть ли не в средневековое мракобесие: колдуны, школы гипноза, астрологи буквально заполонили страницы газет, радио, телевидение! Всевозможные «народные целители», одержимые и шарлатаны, экстрасенсы и ясновидящие стройными рядами двинулись на науку, на тот высокий духовный уровень, который был ценнейшим достоянием России, как и ее прорывы в космос, тайны атома и другие пока недостаточно познанные сферы бытия.

Разумеется, политическая жизнь складывается не только из глобальных, но и из частных политических решений, которые оказывают важное воздействие на жизнь общества. И при этом учет всех свойств политического времени становится практически полезным.

Прежде всего это касается и такой характеристики, как своевременность принятия политического решения. Увы, в современной политической практике России запаздывание необходимых решений стало характерной чертой. Даже с экономическими, политическими, правовыми реформами дело до недавнего времени обстояло именно так. И только когда на смену политику-кунштатуру (медлителю) типа Горбачева пришли политики типа Ельцина, дело сдвинулось в сторону более или менее точного учета политического времени, отпущенного историей на реформы.

Думаю, что отсутствие в государственных структурах необходимых механизмов прогнозирования также является одной из причин несвоевременности, запаздывания политических решений. Следует также иметь в виду, что время принятия таких решений диктуется и некоторыми естественными законами. Очевидно, скажем, нельзя устраивать переделы земельной собственности в период сельскохозяйственных работ (сев, уборка урожая).

Насколько важно учитывать в хозяйственной жизни особенности политического времени, можно видеть и на примере неразумного использования временных характеристик в распределительной социально-политической среде. Как известно, плановая экономика базировалась на абстрактно выбранных единицах измерения — год и пятилетка. И эти единицы времени причинили России, может быть, больше вреда, чем все остальные беды вместе взятые. Стремление выполнить задание в срок, не считаясь с социальной ценой, экологическими потерями — а сроки эти, как правило, были волевыми, субъективными,— вело к разрушению окружающей среды, умалению ценности человеческого труда и даже самой жизни, порождало временщиков. Это измерение политического времени рождало систему рапортов, приписок, полной дезинформации общества⁸. Понятие политического времени знает и такие единицы измерения, которые определяют кредит доверия народа своим новым руководителям, то, что называют «сто дней» президента, динамика рейтинга руководства и т. п.

⁸ См. Гельвановский М., Крюкова А. Рынок: формула счастья или трудный путь к согласию? «Общественные науки и современность», 1992, № 2, с. 19.

И, наконец, категория Смутного времени — тоже весьма знаменательная характеристика политического времени, когда история может увлечь общество в самые неожиданные, непредсказуемые состояния. Но после того как та или иная социальная «бифуркация» произошла, всегда наступает просветление, возгласы «о, времена, о, нравы!» уходят в прошлое, и на временной шкале история начинает отсчитывать для того или иного народа события благополучия и процветания. Для России таким рубежом сейчас был бы переход в демократическую, гуманистическую, правовую политическую жизнь!

© А. Венгер, 1992